

А.М. Матвеева

Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ),
125319 г. Москва, Российская Федерация

Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна

В статье представлен анализ некоторых аспектов геополитики периода постмодерна, в частности, одной из важнейших областей противостояния наших дней – культуры. В то же время в статье проводится мысль, что культура является не только объектом воздействия со стороны заинтересованных геостратегических сил, но и сама, в известной степени, оказывает влияние на разработку геополитических доктрин в культурно-психологическом, информационном, идеологическом и аксиологическом отношениях. В этой связи некоторые течения современной культуры, которые могут быть обобщенно определены как культура постмодернизма, являются орудием давления на геополитических противников США и, прежде всего, на Россию. Особое внимание в статье уделено способам культурно-цивилизационной, правовой, моральной легализации войн нового типа: гибридных, преэмптивных, консциентальных и т.д., а также таких инструментов подавления неугодных Западу режимов, как цветные революции. В качестве основной рабочей гипотезы выявляются общие принципы и механизмы в структуре постмодернистской культуры, гибридных войн и цветных революций.

Ключевые слова: геополитика, постмодерн, гибридная война, преэмптивная война, консциентальная война, глобализация, общественное сознание, мировое сообщество, цветная революция

Благодарности. Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты», № 18-09-00621 А.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Матвеева А.М. Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96–111.

A.M. Matveeva

Moscow Automobile and Road Construction
State Technical University (MADI),
Moscow, 125319, Russian Federation

Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism

The article presents an analysis of some aspects of the geopolitics of the postmodern period, in particular, one of the most important areas of confrontation of our days – culture. At the same time, the article suggests that culture is not only an object of influence from interested geostrategic forces, but also, to a certain extent, influences the development of geopolitical doctrines in cultural, psychological, informational, ideological and axiological relations. In this regard, some currents of modern culture, which can be generally defined as a culture of postmodernism, are a tool of pressure on geopolitical opponents of the United States and, above all, on Russia. Special attention is paid to the methods of cultural-civilizational, legal, moral legalization of a new type of war: hybrid, preemptive, consensual, etc., as well as such tools for suppressing regimes unfavorable to the West as color revolutions. The general principles and mechanisms in the structure of postmodern culture, hybrid wars and color revolutions are identified as the main working hypothesis.

Key words: geopolitics, postmodern, hybrid war, preemptive war, constant war, globalization, public consciousness, world community, color revolution.

Acknowledgments. This article was completed as part of the RFBR project “The History of the Russian Federation’s Participation in Local Hybrid Wars in 1991–2008: Genesis, Geostrategy, Results”, No. 18-09-00621 А.

CITATION: Matveeva A.M. Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 96–111. (In Russ.)

Современное международное положение, по мнению большинства военных ученых и геополитиков, основано на противостоянии США, стремящихся к однополярности, и ряда региональных держав – субцентров, которые пытаются противодействовать этой тенденции, но даже вместе не могут составить конкуренцию американцам [13]. Это состояние перманентной напряженности, которое в современной геополитике характеризуют как структурный кризис цивилизации или кризис мироустройства постмодерна [12, с. 38]. Стремясь глобализовать мир, США после официального окончания холодной войны перешли к геополитике нового типа, которую применительно к реалиям современности можно охарактеризовать как геополитику постмодерна. Геополитика постмодерна – это механизм трансформации современного миропорядка, направленный на десоверенизацию государств через разрушение их внутренних систем.

Идентификация геополитики главного субъекта миропорядка, США, по принадлежности к феномену современной мировой культуры – постмодернизму – неслучайна. Это нашло широкое отражение в философии, геостратегической и геополитической мысли. И хотя общих подходов к геополитической значимости культуры нет, сам интерес к проблеме показателен и свидетельствует о необходимости ее дальнейшей углубленной проработки.

Так, еще известный философ современности С. Хантингтон подчеркивал, что после окончания холодной войны именно культурно-цивилизационная идентификация определяет модель сплоченности или дезинтеграции государства. Культура рассматривалась им как приоритетная сфера, которая может объединить народ или разрушить государство как основное поле геополитического противоборства [Там же, с. 15]. Эта позиция разделяется многими авторитетными геополитиками. В.В. Карякин отмечает, что геополитика постмодерна нацелена на установление контроля над пространством посредством использования информационных технологий, методов манипуляции общественным сознанием, перекодировки национальной, культурно-цивилизационной идентичности [Там же, с. 45]. Одной из ключевых сфер геополитического воздействия является область культуры. Философ А.Г. Дугин характеризует геополитику постмодерна как англосаксонское «масонство XXI века», которое насаждает свои ценности и установки по всему

миру, разрушая традиционные культурные смыслы цивилизаций [7]. Генерал Л.Г. Ивашов подчеркивает, что особым объектом исследования современной геополитики является культурно-цивилизационный код пространства, который задает вектор развития народа, цивилизации и государства [8, с. 116]. Иными словами, геополитика постмодерна – это стратегия США по созданию управляемой глобальной мировой системы, она направлена на слом культурного кода государств, разрушение цементирующей народы культурной идентификации.

Для реализации этой цели распространяется в глобальных масштабах проект постмодерна (или постмодернизма) как особой культурной парадигмы современности. Ее суть ярко выразил бывший вице-президент США А. Гор: «Мы, похоже, все более стремимся раствориться в изобилии форм культуры, общества, технологии, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, но платим за все это потерей своей духовной жизни» [6, с. 243]. Через СМИ и иные формы массового культурного производства идет пропаганда универсального вещизма, заменяющего духовность – основу культуры, т.е. утверждается приоритет формы (усредненных стандартов культуры, унифицированных, «модных» вкусов) над содержанием (культурными смыслами, кодами). В итоге культивируется тип массового усредненного человека – легкого объекта манипуляции, поскольку его жизнь подчинена правилам рынка, проникшего в систему даже межличностных отношений [20, с. 85]. Рыночный принцип прост: меньше затрат и больше выгоды. Он пронизывает всю постмодернистскую парадигму, заменяя эстраду шоу-бизнесом, киноискусство – киноиндустрией и т.д., создавая общество потребления, где престиж и статус человека определяется фактом обладания той или иной вещью.

Б. Райнов характеризовал массовую культуру так: «Это производство псевдохудожественного продукта в соответствии с определенными стандартами и требованиями определенного воздействия. Именно потому, что она не творчество, а производство, “массовая культура” легко подчиняется шаблонной идейной и технологической программе. Это не только псевдоискусство, но и псевдокультура, потому что она не содержит художественных открытий, не несет по-настоящему глубоких знаний о действительности... Мы считаем, что точнее всего содержание этого феномена можно было бы выразить термином массовая буржуазная псевдокультура» [17, с. 107]. Исследователи этой проблемы подчеркивают, что массовый человек (или человек масс, одномерный человек), массовое общество бессилён перед натиском информационного воздействия массовой культуры постмодернизма, он ее не критично воспринимает [15]. Таким образом, геополитика постмодерна

нацеливается на поддержание и культивирование массовой культуры как важной структурной части культуры постмодерна.

В то же время сама культурная сфера в известной степени является предпосылкой разработки геополитических доктрин и практического их осуществления в информационном, культурно-психологическом, аксиологическом отношениях. В данной статье будут рассмотрены основные механизмы постмодернистской культуры в структуре геополитики США, геополитики постмодерна и форм ее практической реализации – гибридных войн и цветных революциях.

На правах доминирующей геополитической силы США выстраивают мировой порядок уже вне стратегии затратной большой войны, а в рамках стратегии войны нового типа – гибридной [7]. Гибридные войны, по мнению большинства геостратегов, это качественно иной уровень геостратегического противостояния, который стирает привычные рамки в понимании войны и мира [2; 3; 5; 7; 9; 13]. Эти войны ведутся с преобладанием невоенных методов, их воздействие устремлено под внешние контуры страны. Механизм гибридной войны направлен на дезорганизацию и разрушение экономики, политической и социальной сферы государства, слом суверенитета государства часто через «конструирование» марионеточных участников во власти стран-объектов. Все это имеет своей целью превратить страну-объект воздействия в колонию и плацдарм для последующей «мягкой» экспансии.

Одной из важнейших областей гибридного воздействия является культура, культурно-цивилизационные ценности, коды и смыслы. Глобальная культура пытается их нивелировать и привести к общему знаменателю, который наносит удар по национальной идентификации, по уникальной цивилизации. Эти универсальные глобальные ценности связаны с пропагандой активного потребительства (вещизма), утверждения принципов нравственного релятивизма, направленного на разрушение выработанных веками морально-нравственных основ человеческого общества (например, пропаганда однополых браков и однополых семей, которые имеют право на усыновление детей; ювенальной юстиции; толерантности, которая ущемляет права коренных народов государства, и т.д.). Глобальные ценности постмодернизма приводят к утрате цивилизацией вектора своего самобытного развития и переориентируют их в «нужном» субъекту гибридного воздействия русле.

Геополитика постмодерна, как говорилось выше, нацелена на глобальное распространение массовой культуры. Это культура микса, т.е. смешения ценностей, установок, различных смыслов в новом художественном продукте. Так был создан поп-арт, который культивирует эклектику и произвольное сочетание разнообразных деталей и предметов.

Гибридные угрозы – это также смешение разнообразных тактик, стратегий и методов воздействия во всех отраслях и сферах жизни страны. Они подобны мифологической стоглавой гидре, они подвижны и непредсказуемы, сложно определить, от какой «головы» ждать нанесения контрольного удара. Микширование, гибридизация сути войны нового типа связаны также с тем, что «жесткая», военная сила сочетается с элементами «мягкой» силы как системы дипломатических, экономических, юридических, политических, и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в государствах с целью оказания на нее влияния, отвечающего интересам национальной безопасности США [2, с. 34]. И наоборот, «мягкое» воздействие сопрягается с жесткими методами. Так, по наблюдению А.В. Манойло, в последних цветных революциях, включая украинскую, использовались снайперы, которые, стреляя по участникам протестных акции, разжигали еще большую агрессивность толпы. Это рассматривается как метод информационно-психологического воздействия «мягкой силы» с применением элементов «жесткой силы» – оружия снайперов [14, с. 17].

Постмодернизм с его глобализаторской и популизаторской силой массовой культуры создает мощное гибридное оружие в культурно-цивилизационной сфере по насаждению по всему миру философии реинтерпретации (изменения, чаще искажения) первоначальных, условно говоря, традиционных или классических смыслов. В искусстве это проявляется в различных экспериментах с готовым произведением через комбинирование с другими элементами, переносом в другой контекст. В итоге изначальный объект таких манипуляций приобретает иной смысл.

В отношении гибридных войн такой прием выражается в реинтерпретации понимания (а значит, и общественного восприятия) их агрессивной сущности как миротворческих операций, борьбой за права человека (нацменьшинств, поддержка политического плюрализма и т.д.), гуманитарных миссий, «экспорта и проецирования стабильности», борьбой за демократические ценности. Наглядно такая реинтерпретация в геополитике постмодерна проявляется и в трактовке цветных революций, которые военные ученые рассматривают в качестве подготовительной фазы гибридных войн.

Цветная революция – это технология подчинения государства Соединенным Штатам Америки через организацию государственного переворота. Это не подлинная революция, поскольку ее предпосылки, ход и итоги режиссируются и финансируются извне и служат реализации геополитических целей США. «Революционная» оппозиция также формируется под внешним воздействием. Революция в классическом понимании имеет своей целью качественное изменение в жизни государства

и общества. Цветная же революция направлена, как верно заметил историк В.Э. Багдасарян, на десоверенизацию государства и выстраивание мировой глобальной системы [1].

А.В. Манойло выявил общий механизм действия и технологий в цветных или «бархатных революциях» в Восточной Европе, «Арабской весне» в Северной Африке и Евромайдана на Украине. Все они внешне протекают как настоящие политические революции, и их итоги воспринимаются и принимаются мировой общественностью как законные. Известный отечественный геополитик В.А. Цымбурский отмечал, что оппозиционные «революционные» силы, которые сметали дискредитированную легитимную власть, признавались победителями со стороны США, значит, и мировым сообществом еще до их окончательного утверждения на политическом олимпе [23]. Таким образом подчеркивается связь между геополитической линией США и цветными революциями. Манойло выделяет следующие особенности цветных революций, которые отличают их от подлинной революции. Во-первых, отсутствие революционной идеологии. Это связано, на наш взгляд, с особенностями постмодернистской культуры и ее сегментом – современной массовой культурой. Постмодернизм отрицает целостность. Ему необходимо агрессивно расчленять целое, и, микшируя его части, создавать новый культурный гибрид.

Постмодернизм делает ставку на форму, на ее изменчивость, при этом содержание как таковое начинает терять ценность, и с ним можно выполнять любые манипуляции. В то же время современная массовая культура предполагает снижение культурной, интеллектуальной планки: для популяризации информация должна быть легкой, доступной для усвоения и воздействовать на эмоции.

В эпоху постмодернизма не появилось ни одной принципиально новой идеологии или системы целостных взглядов, претендующих на ее подобие. Вместо идеологии постмодернизм предлагает коммерческий яркий «пиар», но с размытыми и нечеткими, предельно широкими идеями. Поэтому и т.н. идеология цветных революций не ясна. С.Г. Кара-Мурза установил, что в основе цветных революций лежит постмодернистская технология рекламы, воздействующая на подсознание и эмоциональную сферу. Вместо конкретных идей предлагаются новые «рекламные продукты», например, создание «украинской нации» [9].

По замечанию Багдасаряна, ни одна из цветных революций не выдвигала собственной программы, что позволяет привлечь в оппозиционные ряды представителей различных политических сил и создает видимость широкого общенационального фронта. Например, во время т.н. «болотной революции» белые ленточки связали с А.А. Навальным и либералов,

и лимоновцев, и левоцентристов, причисляющих себя к коммунистам, во главе с С.С. Удальцовым.

Вместо идеологической программы цветная революция аккумулирует протестные настроения в обществе. Как правило, они связаны со следующими идеями: экспорт демократии, низвержение авторитарного антидемократического режима и борьба с коррупцией. В этой связи Кара-Мурза выявил еще одну технологию геополитики постмодерна, а именно: в цветных революциях накопившееся недовольство, протестная энергия переключается на политические цели, которые не связаны с интересами этих масс, с решением их социальных и экономических проблем [11].

За неимением идеологии, которая будет побуждать к действию, геополитика постмодерна делает ставку на яркие перформансы или «спектакли» постмодерна, как их определил Кара-Мурза [10]. Эпатируя и шокируя, они провоцируют и подстегивают протестные движения цветных революций. Например, «Арабская весна» началась в 2011 г. с акции самосожжения тунисца Мохаммеда Буазизи в знак протеста против коррупции в его стране. Евромайдан на Украине сопровождался перформансом – раздачей участникам протестов булочек и печенья сотрудницей Государственного департамента США Викторией Нуланд. Само безыдейное протестное движение напоминает постмодернистский флешмоб. Толпа, как правило, формируется через социальные сети. Движущей силой выступает т.н. «креативный класс», представленный, в основном, молодежью, преимущественно офисными работниками, и маргиналами. То есть это социальные группы, малоспособные к критическому восприятию тех идей, ради которых они оформились в толпу.

Кара-Мурза отмечает, что применение технологий политического спектакля стало универсальным методом захвата власти. Под особенности культуры государства-объекта подбираются соответствующие «художественные средства», разрабатывается сценарий и постановка спектакля. «Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально “грязных” выборов – с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля “на площади”. Последнее время дало нам два классических примера – “революцию роз” и “оранжевую революцию”» [Там же].

Во-вторых, по мнению Манойло, применение военной силы в ходе самой цветной революции носит второстепенный характер, а после ее завершения – решающий. Тогда начинается собственно военное вторжение миротворцев. В-третьих, итогом всех цветных революций является приход к власти в постреволюционных государствах марионеток

США, которые переводят страну под внешнее управление. Это значит, что страна де-факто становится неоколонией и одновременно плацдармом (или, как их называет, Манойло, «государством-provokatorom») для продвижения новых цветных революций или локальных войн [14, с. 15]. За это страна-provokator получает кредиты для повышения своей военной мощи.

Член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош отмечает, что цветная революция – это, прежде всего, мощное информационное воздействие на граждан страны – объекта агрессии – с целью формирования управляемой толпы, которая должна свергнуть правительство и привести государство под внешнее управление [4]. В то же время в массовом общественном сознании этот процесс разрушения законных демократических режимов воспринимается как акт народного волеизъявления и настоящая революция. Это наглядно демонстрирует еще одну особенность современной массовой культуры и специфику ее восприятия общественным сознанием – интерпретация переходит в инверсию традиционных смыслов. Когда черное воспринимается белым, традиционно-положительные образы – отрицательными и наоборот.

Здесь массовая культура, ее информационно-семантическое поле зачастую используется как гибридное оружие войны нового типа. С одной стороны, это концентрированное оружие, направленное на слом исторического кода памяти народа и уничтожение объективной трактовки мировой истории. С другой – взаимосвязанное с первым морально-правовое оружие, когда откровенная ложь становится правовым основанием для вооруженной агрессии, ареста иностранных граждан, экономического давления на государства и т.д.

Уместно вспомнить еще об одном детище геополитики постмодерна – преземптивной войне. Эта доктрина президента США Дж. Буша-мл., разработанная в 2002 г., предполагает войну на опережение, т.е. против государства, которое может представлять потенциальную угрозу в будущем. Причем эта война идет по схеме: смена власти – выстраивание новой нации, «нациопеределка» – восстановление страны, в которой народ, собственник ресурсов, отстраняется от права собственности на них уже навсегда [7, с. 743]. Право собственности передается транснациональным корпорациям без какого-либо сопротивления бывшего собственника, народа этой страны. «Результаты “обычной” войны могут быть со временем пересмотрены и пересматриваются, но результаты преземптивной войны закрепляются навсегда» [18, с. 20].

Одним из важнейших звеньев этой войны является строительство «правильной», переформатированной нации, которая теряет волю к сопротивлению заокеанским манипуляторам. Ивашов отмечал, каким

образом США пытаются это осуществить: «Подавлив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить» [8, с. 769]. Насаждение чуждых ценностных, зачастую противоречащих национальным традициям, ориентиров лежит в основе любых экономических проектов, политических требований, которые выдвигаются в ходе гибридных операций. Подогнав под свои интересы геополитический объект (народ, государство, политическую элиту) в духовно-цивилизационном смысле, можно добиться реализации самых амбициозных внешнеполитических целей.

В отношении преэмптивного воздействия, по мысли Ивашова, страна может сопротивляться, пока существует историческая память о великих победах над врагами и достижениях [Там же]. Недаром на Западе и в России определенными силами продолжается упорная война по внедрению в общественное сознание наших граждан негативных мифов об отечественной истории. Для определения данного явления в историографии имеется еще одно специальное обозначение – «войны памяти» [24; 25]. Но в центре внимания творений постмодернистского кино, вроде оскверняющего историческую память фильма «Смерть Сталина» или комедии про блокадный Ленинград под названием «Праздник», – разрушение историко-нравственного кода восприятия Великой Отечественной войны. А это направлено на достижение главной цели глобальной гибридной войны против России – нивелирование геостратегических результатов Второй мировой войны. Но даже после приравнивания в резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. советского коммунизма к фашизму, признания Бандеры и Петлюры национальными героями Украины, сносов памятников советским солдатам-освободителям в Прибалтике и Польше (при молчаливом одобрении международной общественности) память о войне будет жива, пока потомки победителей помнят, за что сражались их дедушки и бабушки. Перекодирование молодого поколения идет полным ходом. Как верно отметил Ивашов: «Все постсоветское сообщество становится полной противоположностью выработанной веками культурно-исторической традиции» [8, с. 766].

Крушение историко-моральных ориентиров приводит к нивелированию закона, инверсии его назначения как равного для всех. Внедряются двойные стандарты, односторонние трактовки, избирательный и культурно-правовой плюрализм. Как отмечает Н.А. Нарочницкая, США добились международного юридического обоснования «актов международного терроризма»: бомбардировок Сербии, Ирака, Афганистана [16, с. 485]. Систематическое и безнаказанное нарушение основ международного права привело к изменению его идейной концепции и роли

контролирующих его институтов. Они санкционировали локальную войну против Сербии, ее расчленение; произвол «Гаагского трибунала», который, отрекшись от презумпции невиновности и следования доказательной базе, по сути, убил законного президента Сербии С. Милошевича. Существует масса и других примеров подобной деятельности.

В новом глобалистском международном праве понятие «суверенитет» было заменено на концепции «относительного» суверенитета и степени «эффективности» в сфере осуществления государством своего суверенитета. Все это должно было проходить на фоне превращения «НАТО под эгидой США в военно-политический каркас ойкумены от Атлантики до Урала» [16, с. 487].

Международное право, переведенное на глобалистскую основу, также стало инструментом гибридной войны. Например, применение презумпции невиновности приобрело избирательный характер. В международном правовом поле на Россию она не распространяется, наша страна априори назначается ответственной за все, вплоть до странных результатов выборов президента США. Это органично вписывается в философскую канву постмодернистского осмысления бытия – философию абсурда. Один из ее разработчиков, французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр, так выразил абсурдистскую суть понимания бытия: «Не имеет ни повода, ни причины, ни необходимости» [19]. Бессмысленное, иными словами, то, что умом постичь нельзя, воспринимается через сильные эмоции: ужас, шок, т.е. через картинки, которые показывают СМИ в русле геополитики постмодерна. Например, «химатаки» в Сирии и чудесное спасение детей «белыми касками». Во время Пятидневной войны 2008 г. на территории Южной Осетии по европейским каналам транслировали сюжет про осетинскую женщину, сына которой задавили танками грузинские военные, однако перевод был совершенно иной: перед европейским зрителем это была жительница г. Гори, сына которой убили российские миротворцы.

На правовой и информационный произвол наслаивается еще одна особенность постмодернизма – нигилизм, попирающий традиции и авторитеты. Нигилизм в информационном поле гибридного воздействия сопряжен с откровенной ложью и отсутствием ответственности за нее.

В свое время Нарочницкая выявила четко выраженную тенденцию восприятия в массовом сознании динамики гибридных войн: «Каждая новая геополитическая перестройка регионов в единый мир под англосаксонской эгидой заставляет меркнуть потрясения предыдущих лет» [16, с. 513]. Например, развал СССР привел к эффекту отодвигания на дальний план в памяти объединение Германии. Агрессия против Югославии также затмила немецкую «мирную» экспансию. Война

в Афганистане привела к формированию восприятия экспансии НАТО на Восток Европы как события второстепенного масштаба. Эффект от информационно-психологического воздействия на мировое сообщество позволяет глобализаторам списывать, стирать свои военные преступления как будто за сроком давности.

Так, в ходе расследований специальной комиссии стран антииракской коалиции еще в 2004 г. по горячим следам войны было установлено, что у Ирака не было оружия массового поражения. Именно из-за обвинений в его наличии началась локальная война против Ирака, был отстранен от власти, а впоследствии и казнен бывший президент С. Хусейн. Однако уже в 2004 г. это преподносилось и внедрялось в общественное сознание как дело прошлое. Этот эффект «забывания» не менее опасен, чем попираание норм международного права, поскольку позволяет США продолжать безнаказанно свои гибридные «гуманитарные миссии» по всему миру.

Устойчивость линии геополитики постмодерна во многом обуславливается нейтральностью и пассивностью мирового общественного мнения. Международное общественное сознание находится под прочным атлантическим колпаком установочных парадигм развития и информационно-психологического воздействия. События на Ближнем Востоке и в Сирии, на Украине, инцидент (25 ноября 2018 г.) в Керченском проливе и т.д. в общественном сознании европейцев и американцев имеют вполне определенную оценку. Некритичное восприятие геополитики постмодерна международным сообществом, по сути, легализует любые действия США в моральной, правовой и культурно-цивилизационной сферах. На этом фоне ООН, Европарламент, ПАСЕ и прочие международные организации превратились в своеобразные секретарские службы США и НАТО, которые оформляют мандаты на осуществление военных операций во внутреннем конфликте любых суверенных государств.

Инструментами геополитики постмодернизма являются гибридные войны и цветные революции, нацеленные не только на слом суверенитета государств и превращение их в подобие «банановых республик», но и на перекраивание народов по «правильным» шаблонам, что влечет за собой, по сути, медленное их уничтожение. Дело здесь не только в отчуждении народа страны от ее ресурсов, что характерно для колониальной или неоколониальной политики. Культурно-цивилизационное переформатирование народов приводит к утрате выработанных историей ориентиров и ценностей, исторической памяти, цементирующей собственно народ.

Поскольку постмодернизм ставит во главу угла форму вместо сути, вместо разработки идеологического концепта, воздействующего

на разум (а это также требует затрат времени), он нацелен на психоэмоциональное воздействие. Приемы и средства постмодернистской культуры вызывают шок, удивление, но не побуждают анализировать. Такая же схема лежит в основе геополитики постмодерна. Чтобы инспирировать военный конфликт или цветную революцию, начать военную операцию, достаточно устроить яркий, затрагивающий чувства массовой аудитории перформанс, преподнести его соответствующим образом в СМИ, и это станет основой для международного одобрения и правового санкционирования. Например, шоу со спасением «белыми касками» детей, «пострадавших» от химатак, или кампании по пиару данных экзитполов, призванные «доказать» «совершенные властями» «фальсификации выборов» [23, с. 89–92] и прочие комплексные постановочные действия.

Одной из центральных областей геополитического противостояния современности является культура. Гибридное воздействие на страны через эту сферу отвечает главным рыночным принципам геополитики постмодерна: относительно малая затратность, массовое распространение, высокая эффективность. Таким образом, формируется своеобразная «индустрия», конвейер локальных конфликтов и войн, цветных революций, которые средствами культуры, «мягкой силы», можно подготовить, «срежиссировать» и запустить в любой точке мира. Установление общих принципов в структуре культуры постмодерна, гибридных войн и цветных революций дает важный инструментарий для анализа их воздействия на общественное сознание, на геополитическую практику. Учет знаний о функционировании механизма культуры постмодерна в цветных революциях и гибридных войнах на информационно-психологическом, идеологическом, правовом уровнях позволяет разработать адекватную, комплексную геостратегию по защите национального суверенитета и культурно-цивилизационных ценностей.

Библиографический список / References

1. Багдасарян В. Классические революции и цветные революции: типологические различия (14.10.2015) // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya> (дата обращения: 21.03.2019). [Bagdasaryan V. Classical revolutions and the color revolutions: Typological differences. *Geopolitica.ru*. 14.10.2015. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya> (In Russ.)]
2. Балашин В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–36. [Balashin V.

- “Soft power” as an instrument of foreign policy of a number of foreign countries. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2013. No. 3. Pp. 34–36. (In Russ.)]
3. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М., 2018. [Bartosh A.A. Konflikty' XXI veka. Gibrnidnaya vojna i czvetnaya revolyuciya [Conflicts of the XXI century. Hybrid war and color revolution]. Moscow, 2018.]
 4. Бартош А.А. Ускорители гибридной войны // Военно-промышленный курьер. 2018. № 46 (759). 27 ноября. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584> (дата обращения: 21.03.2019) [Bartosh A.A. Accelerators of hybrid war. *Voенно-promy'shlenny' j kur'er*. 2018. No. 46 (759). 27 November. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584> (In Russ.)]
 5. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). 27 февраля. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 21.03.2019) [Gerasimov V.V. The value of science in foresight. *Voенно-promy'shlenny' j kur'er*. 2013. № 8 (476). 27 Feb. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (In Russ.)]
 6. Гор Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993. [Gore A. Zemlya na chashe vesov [The Earth is in the balance. Ecology and the human spirit]. Moscow, 1993. (In Russ.)]
 7. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна // Геополитика.ru. 23.01.2012. URL:<https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2019). [Dugin A.G. Geopolitics of postmodernism. *Geopolitica.ru*. 23.01.2012. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (In Russ.)]
 8. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015. [Ivashov L.G. Geopolitika Russkoj civilizacii [Geopolitics of Russian civilization]. O.A. Platonov (ed.) Moscow, 2015.]
 9. Кара-Мурза С.Г. О технологии «цветных революций». URL: <https://mnenie.me/tehnologii-cvetnyx-revolycij.html> (дата обращения: 21.03.2019). [Kara-Murza S.G. O tehnologii «czvetny'ch revolyucij» [About the technology of “color revolutions”]. URL: <https://mnenie.me/tehnologii-cvetnyx-revolycij.html>]
 10. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт. М., 2006. [Kara-Murza S.G. Revolyucii na e'ksport [Revolutions for export]. Moscow, 2006.]
 11. Кара-Мурза С.Г. Угрозы для России: революции модерна и постмодерна (1.12.2014). URL: <http://old.centero.ru/chair/ugrozy-dlya-rossii-revoljutsii-moderna-i-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2019). [Kara-Murza S.G. Ugrozy' dlya Rossii: revolyucii moderna i postmoderna [Threats to Russia: Modern and postmodern revolutions.] 1.12.2014. URL: <http://old.centero.ru/chair/ugrozy-dlya-rossii-revoljutsii-moderna-i-postmoderna>]
 12. Карякин В.В. Методологические основы геополитики «третьей волны» // Стратегическая стабильность. 2012. № 2 (59). С. 38–46. [Karyakin V.V. Methodological foundations of “third wave” geopolitics. *Strategicheskaya stabil'nost'*. 2012. No. 2 (59). Pp. 38–46. (In Russ.)]
 13. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн»// Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112. [Klimenko S. Theory and practice of “hybrid wars”. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2015. No. 5. Pp. 109–112. (In Russ.)]
 14. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015.

- № 4 (29). С. 7–19. [Manojlo A.V. Hybrid wars and color revolutions in world politics. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny'ch technologij)*. 2015. № 4 (29). Pp. 7–19. (In Russ.)]
15. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. [Marcuse H. *Odnomernyj' chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva* [One-Dimensional man]. Moscow, 1994.]
 16. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. [Narochniczkaia N.A. *Rossiia i russkie v mirovoj istorii* [Russia and Russians in world history]. Moscow, 2003.]
 17. Райнов Б. Массовая культура. М., 1979. [Rajnov B. *Massovaya kul'tura* [Mass culture]. Moscow, 1979.]
 18. Россия в XXI веке. Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012. [Rossiia v XXI veke. *Materialy' godovogo sobraniia Akademii geopoliticheskikh problem* [Russia in the XXI century. Proceedings of the annual meeting of the Academy of geopolitical problems.] Moscow, 2012.]
 19. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической философии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М., 2000. [Sartre J.-P. *By'tie i nichto. Opy't fenomenologicheskoi filosofii* [L'être et le néant : Essay d'ontologie phénoménologique]. Moscow, 2000.]
 20. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. [Soros G. *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The crisis of global capitalism: Open society endangered]. Moscow, 1999.]
 21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. [Huntington S.P. *Stolknovenie civilizacij* [The clash of civilizations and the remaking of world order]. Moscow, 1996.]
 22. Цымбурский В. Россия в американо-иранском противостоянии. Статья вторая // Агентство политических новостей. 19.02.2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11503> (дата обращения: 21.03.2019). [Cymburskij V. *Russia in the US-Iran confrontation. Article the second. Agentstvo politicheskikh novostej*. 19.02.2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11503> (In Russ.)]
 23. Что надо знать о «цветных революциях»: Учебное пособие / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. [Chto nado znat' o «czvetny'ch revolyuciyach» [What you need to know about the “color revolutions”]. A. Ananchenko (ed.). Moscow, 2018.]
 24. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М., СПб., 2018. С. 421–431. [Churakov D.O. “Memory wars” and local conflicts of our time. *Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*. Moscow, St. Petersburg, 2018. Pp. 421–431. (In Russ.)]
 25. Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. Ч. 1. С. 21–27. [Churakov D.O. *History textbook and “memory wars” in the post-Soviet space. Prepodavatel' XXI vek*. 2013. No. 3. Part. 1. Pp. 21–27.]

Статья поступила в редакцию 15.08.2019, принята к публикации 23.09.2019
The article was received on 15.08.2019, accepted for publication 23.09.2019

Сведения об авторе / About the author

Матвеева Александра Михайловна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории и культурологии, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Alexandra M. Matveeva – PhD in History; associate professor at the Department of History and Cultural Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)

E-mail: alexmatveeva828@mail.ru